

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 321.02

В. А. Гуторов

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Цель статьи заключается в суммировании различных аспектов научной дискуссии, вращающейся вокруг самого понятия и сложных вопросов современной теории модернизации. Один из наиболее важных моментов дискуссии определяется новой взаимосвязью между столь различными концепциями, как модернизация, демократизация и глобализация. Эти концепции оказались взаимообусловленными в конце XX века, и с этого времени они обычно обсуждаются в их взаимосвязи, нередко сохраняя гетерогенный смысл. В общественном дискурсе понятия «модернизация» и «глобализация» приобрели эмоциональный оттенок. Для одних они предполагают международное гражданское общество, ведущее в новой эре мира и демократизации. Для других они предполагают угрозу американской экономической и политической гегемонии с таким ее культурным следствием, как гомогенизированный мир. Базовое утверждение теории модернизации в любой из ее версий состоит в том, что существует единый общий процесс, завершающей стадией которого является демократизация. Модернизация состоит в постепенной дифференциации и специализации социальных структур и завершается отделением политических структур от всех остальных, что и делает демократию возможной. Однако в настоящее время превалирует точка зрения, в соответствии с которой возникновение демократии не является побочным продуктом экономического развития (Г. О'Доннелл). Сторонники этого подхода не верят, что судьба демократического правления детерминирована исключительно имеющимися в наличии уровнями экономического развития. Они утверждают, что, несмотря на все сдерживающие моменты, демократизация является прежде всего следствием человеческих действий, а не экономических условий или же наследия исторического прошлого (Э. Гидденс, Р. М. Унгер). Библиогр. 36 назв.

Ключевые слова: модернизация, развитие, государство, экономический рост, демократия, политические процессы, глобализация, политическая теория, публичный дискурс.

Гуторов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; gut-50@mail.ru

Gutorov Vladimir A. — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; gut-50@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

TOWARD THE PROBLEM OF THE CONCEPTUAL BASES OF THE THEORY OF MODERNISATION

The purpose of this article is to summarise the diverse aspects of the scientific discussion revolving around the notion itself and complicated questions of the modern theory of modernisation. One of the main points of discussion is the new relationship between once such dissimilar conceptions as modernisation, democratisation and globalisation. These conceptions have been brought together at the end of the 20th century and since that time have usually been conflated, often maintaining a heterogeneous sense. The terms “modernisation” and “globalisation” have come to be emotionally charged in public discourse. For some, they imply the promise of an international civil society, conducive to a new era of peace and democratisation. For others, they imply the threat of an American economic and political hegemony, with the cultural consequence being a homogenised world. Nevertheless, some distinct characteristics defining the general tendencies of the modernisation process really do exist. The main tendency is the changing meaning of modernity, or the emergence of “alternative modernities.” There is also the increasingly significant phenomenon of alternative globalisations that is, cultural movements with a global outreach originating outside the Western world and indeed impacting on the latter. The second trend is related to a crisis in the legitimacy of the nation-state tradition forcing a review of the problem of the role of democracy in the modern world. S. M. Lipset’s observation that democracy is related to economic development, first advanced in 1959, has generated the largest body of research on any topic in political science. Yet there are two distinct reasons this relation may hold: either democracies may be more likely to emerge as countries that develop economically (S. P. Huntington, R. Inglehart), or they may be established independently of economic development but may be more likely to survive in developed countries. The basic assumption of the theory of modernisation, in any of its versions, is that there is one general process of which democratisation is but the final stage. Modernisation consists of a gradual differentiation and specialisation of social structures that culminates in a separation of political structures from other structures and makes democracy possible. But there is now a prevailing view, according to which the emergence of democracy is not a by-product of economic development (G. O’Donnell). The protagonists of this approach do not believe that the fate of democratic rule would be determined exclusively by current levels of economic development. They maintain that, albeit within constraints, democratisation is an outcome of human actions, not just one of economic conditions or an historical past (A. Giddens, R. M. Unger). Refs 36.

Keywords: modernisation, development, state, economic growth, democracy, political processes, globalisation, political theory, public discourse.

В общенаучном смысле теория модернизации описывает и объясняет на междисциплинарном уровне процессы трансформации, развивающиеся в направлении от традиционных и недоразвитых обществ к обществам современным. В 1950-х годах она становится наиболее перспективной в том направлении западной социологической науки, которое получило название «социология национального развития». Наибольшее внимание теоретики модернизации уделяли «предсовременным» обществам (premodern societies), которые становятся современными («вестернизированными») посредством процессов экономического роста и изменения в социальных, политических и культурных структурах. Один из основоположников этой теории Ш. Эйзенштадт в 1966 г. следующим образом определял ее сущность: «Исторически модернизация — это процесс изменения в направлении от тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX столетия и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. — на южноамериканский, африканский и азиатский континенты» [1, p. 1]. Ученые рассматривали социальные, политические и культурные последствия экономического роста и условия, которые важны для индустриализации отсталых стран и регионов.

В современных общественных науках концепция модернизации до сих пор нередко рассматривается как один из важных парадигмальных подходов, раскрывающих особенности современного мирового развития, неизбежно порождающего зависимость одних стран и регионов от других. Страны третьего мира, Юга, «развивающиеся народы» находятся в неравноправном положении и значительно уступают в плане жизненных шансов странам «первого мира», Севера, или развитым странам. Термин «третий мир» был введен в научный оборот в 1952 г. французским экономистом Альфредом Сови для того, чтобы отличать страны, находящиеся на низкой ступени экономического развития, от развитых капиталистических стран и стран «второго мира», входивших в мировую социалистическую систему. В целом понятие «третий мир» указывает на общества, для которых характерны унаследованные от колониального периода аграрная экономика, прогрессирующая бедность, слабое развитие систем здравоохранения и образования, неконтролируемый уровень рождаемости, низкие темпы урбанизации и жилищного строительства, постоянная долговая кабала, крайне слабые ростки демократии и преобладание военных способов решения политических конфликтов.

Теорию модернизации (вернее, ее различные толкования) вовсе не обязательно следует рассматривать в категориях зависимости от философских дискуссий о природе «модерна» и «постмодерна». Понятие «модерн» в философском и эпистемологическом смысле ориентировалось на представление о существовании одной «истинной» объяснительной модели, в которой отражается современный мир. Сторонники концепции «постмодерна», напротив, отрицали существование единственной концепции мира, полагая, что знание, идеология и наука сами по себе основаны на субъективном понимании относительности природы мира и социальных отношений.

Тем не менее теория модернизации, отражая характерное для классиков социологии и политической науки (К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и мн. др.) внимание к процессу движения различных обществ от традиционных к современным социальным порядкам, уделяла большое внимание ценностям, верованиям и нормам, которые рассматривались как важные аспекты прогрессивного социального изменения. Соответственно Запад определялся одновременно как исходный пункт и цель глобального развития: в современных обществах традиционные формы жизни должны заменяться инновационными структурами, практиками и способами мышления. Важную роль в данном процессе будут играть урбанизация, развитие нуклеарной семьи, образования, средств массовой информации и систем рационального права.

Еще в начале 1960-х годов американский экономист и социолог У. Ростоу в работе «Стадии экономического роста» (1960) выделил пять стадий экономического развития: традиционное общество, предпосылки для подъема (takeoff), подъем, продвижение к зрелости и эра высокого массового потребления. В отличие от сторонников концепции спонтанного развития, Ростоу подчеркивал важность политической воли для формирования «элитарного социального капитала» (social overhead capital) — например, сферы образования, — способствующего развитию и укреплению социальных связей [2]. Книга Ростоу не случайно имела подзаголовок «Некоммунистический манифест», поскольку ее автор стремился с либеральных позиций осмыслить следующий принципиально важный тезис Маркса, по существу, пред-

восхищавший теорию модернизации: «Страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [3, с. 9].

В 1959 г. американский политолог Сеймур Мартин Липсет, развивая казавшуюся тогда убедительной гипотезу, согласно которой развитие «является причиной и порождает демократию», сформулировал принцип корреляции между уровнем социально-экономического развития и способностью общества к демократии. «Чем более богата нация, — отмечал он в своей ставшей классической работе “Политический человек”, — тем больше у нее шансов поддерживать демократию. От Аристотеля и до наших дней люди считали, что только в процветающем обществе, в котором относительно немного граждан живут за чертой бедности, возможна ситуация, при которой массы населения разумно участвуют в политике и развивают ту степень самоограничения, которая необходима для того, чтобы не поддаваться лозунгам безответственных демагогов» [4, р. 31]. Таким образом, важнейшее условие успеха демократизации заключается в преодолении бедности. Развитие представлялось линейным процессом, в рамках которого отдельные страны и народы преодолевают внутренние преграды на пути к модернизации и демократизации.

На протяжении более трех десятилетий установленная Липсетом корреляция неоднократно перепроверялась специалистами (путем выделения агрегированных индикаторов ВВП на душу населения и числа стран, определяемых по принципу «минимальных демократий») и оказалась крайне стабильной. Как отмечалось в одной из современных работ, «вследствие таких впечатляющих статистических подтверждений прочную связь экономического развития и способности общества к демократии больше нельзя игнорировать. Многочисленные исследования ясно показывают, что уровень экономического развития (измеренный по ВВП на душу населения) должен рассматриваться как важнейшая переменная для объяснения степени демократизации определенной страны или различий между демократией и диктатурой на глобальном уровне» [5, с. 59].

Позднее, с привлечением нового исторического материала, некоторые весомые аргументы в пользу взаимосвязи экономической модернизации и демократизации были выдвинуты С. Хантингтоном. Он доказывал, что экономический рост всегда способствует легитимации демократий, поскольку модернизация содействует росту образованного среднего класса, смягчающего классовые противоречия и заинтересованного в стабильности и упорядоченном способе политического участия и принятия решений [см.: 6].

Тем не менее такого рода представления уже в 1960-е годы стали подвергаться существенной коррекции, нередко сопровождаемой острой критикой. В результате влияние теории модернизации значительно уменьшилось. Главный контраргумент заключался в том, что сама схема, основанная на дихотомии «традиция–современность» и на ложной идее превосходства небольшой группы западных народов над всеми остальными, слишком проста, чтобы отражать надлежащим образом все многообразие мирового социального опыта.

Другой важный аргумент заключается в том, что модернизация вовсе не обязательно означает традиционные верования и практики, особенно в тех случаях, когда они могут оказаться в высшей степени функциональными в процессе изменения социальных порядков. Сторонники марксистского подхода убедительно доказывали, что теория модернизации игнорировала воздействие западного империализма

и колониализма на формирующиеся в странах третьего мира порядки, и поэтому она глубоко неисторична.

Наиболее последовательная критика модернизации была выдвинута представителями латиноамериканской «школы зависимости», а также исследователями политики неоколониализма в странах, некогда входивших в западноевропейские колониальные империи. Историки Андре Гундер Франк и Уолтер Родни доказывали, что западноевропейские государства сделали недоразвитыми те ставшие независимыми страны, которыми они когда-то управляли. Именно Западная Европа и США способствовали недоразвитости латиноамериканских стран, систематически делая их еще беднее по сравнению с тем, какими они были в эпоху имперского господства. Историк и социолог Иммануил Валлерстайн, начавший свою научную карьеру исследованиями проблем Африки, систематизировал в дальнейшем «теорию зависимости» в многотомном труде «Мир-система Модерна», в котором он поставил под сомнение излишние акцентировки национального развития и доказывал, что с уже с XVI в., когда мир становится единой мировой экономикой, возникает необходимость в разработке на новом уровне принципов анализа экономического и политического развития. Сильные государства, составляющие «сердцевину» новой мир-системы (core states), эксплуатируют политически слабые периферийные общества как в форме прямого колониального господства, так и в форме косвенной, неформальной зависимости [см.: 7, с. 3–37; 8, с. 1–13].

На основе аргументации Валлерстайна сторонники мир-системного анализа доказывают, что такие «полупериферийные» государства, создавая впечатление, что конвергенция возможна для всех, на самом деле обеспечивают новые возможности для инвестиционной политики доминирующих государств. Конвергенция отсталых и передовых стран в принципе недостижима.

Политолог Гильермо О’Доннелл критиковал аргументы о близости (если не тождестве) модернизации и демократизации. В частности, он отмечал, что даже в богатейших странах Южной Америки в 1960–1970-х годах были установлены военные диктатуры, и предполагал, что особая фаза индустриализации, через которую проходили эти страны, была обусловлена потребностью в привлечении иностранного капитала и технологий. Он разделял позицию сторонников теории зависимости, согласно которой временные рамки являются критерием экономического развития, определяя характер и последствия модернизации: страны, позднее вступившие на этот путь, более нуждаются в сильном государстве как двигателе экономического развития и в меньшей степени должны зависеть от такого фактора, как активность и самодеятельность граждан [см.: 9, р. 49–71].

Постмодернистски настроенные ученые вместе со сторонниками теории зависимости критиковали теоретиков модернизации за излишний этноцентризм. Предполагая, что развитие заключается в движении от традиции к современности, и отождествляя модернизацию с индустриальным Западом, они утверждали, что теоретики модернизации совершают двойную ошибку: во-первых, они исходят из того, что Запад чем-то лучше других цивилизаций; во-вторых, утверждают, что все «несовременные» общества одновременно являются «традиционными». А следовательно, они не в состоянии выявлять различия между обществами, поскольку многие из них отличаются друг от друга в гораздо большей степени, чем от Запада. Равным образом они не осознают масштабы стресса от попыток народов приспособиться к модернизации.

собраться к западным конструктам, которые сами являются продуктами теории модернизации и разрушают жизненно важные основы и культуру тех стран, которые модернизацию никогда не выбрали.

Следует отметить, что противники классической теории модернизации нередко сами увлекались и оставляли в стороне обсуждение принципиально важных проблем трансформации демократических институтов в современном мире, требовавшей новых интерпретаций теории демократии, включая анализ самого понятия «современная демократия».

Термин «демократия» в современном смысле стал распространяться в XIX в. для описания системы представительного правления, в рамках которой представители выбираются в различные органы власти на свободных конкурентных выборах и большая часть граждан мужского пола обладает правом голосовать. В США такое положение дел было достигнуто в 1820–1830-е годы по мере распространения избирательного права в различных штатах. В 1848 г. во Франции произошел внезапный скачок в предоставлении права голоса взрослым мужчинам, но принцип парламентского правления был гарантированно установлен только к 1871 г. В Британии парламентское правление было введено начиная с 1688 г., но большинство мужчин получило право голоса только к 1867 г. Следовательно, если не считать нескольких столетий развития демократии в древнегреческих полисах, в мировой истории демократия является сравнительно новым феноменом, который имеет тенденцию к быстрому распространению. За последние несколько десятилетий демократические институты и практики твердо установлены примерно в 30 из 192 ныне существующих государств. В дополнение к ним функционируют более молодые, но очевидно стабильные демократические режимы в Испании, Португалии и Южной Африке, неопределенное количество режимов, которые лучше всего могут быть описаны как частично демократические (Кипр, Мексика, Малайзия). Большое число режимов (преимущественно в Восточной Европе и Латинской Америке) с 1990-х годов получили право именоваться демократическими.

Один из источников смутности и неопределенности в трактовке современного содержания понятия «демократия» заключается в том, что оно используется для описания не только формы правления, но и системы общественных отношений. Так, американцы говорят, что их страна не только обладает демократической структурой политических институтов, но и является демократическим обществом. В начале XX в. некоторые британские социалисты (например, Сидней и Беатрис Уэббы) пропагандировали идею «промышленной демократии» как эффективного средства установления рабочего контроля над промышленными предприятиями. В послевоенный период в странах Центральной и Восточной Европы форма правления и характер общественной жизни определялись правящими коммунистическими партиями как «народная демократия». Однако такого рода неопределенность не может создавать особо сложных теоретических проблем при условии, если термин «демократический» используется в соответствии с заложенным в нем семантическим смыслом. Тогда демократическое общество в американском смысле может восприниматься как общество без наследственных классовых различий, в котором существует тенденция к обеспечению равенства возможностей для всех граждан. Именно так характеризовал общество и стиль жизни в США Алексис де Токвиль, используя термин «равенство возможностей» для обозначения не столько формы

правления, сколько достигнутого американцами уровня социального равенства. Аналогичным образом мало кто как за пределами, так и внутри стран «народной демократии» мог обманываться относительно формы правления и образа жизни населения жестко контролируемого СССР региона.

Драматическое распространение в 1990-е годы демократических практик по всему миру породило (преимущественно у американских теоретиков и их адептов в посткоммунистических странах) иллюзию о существовании жесткой взаимосвязи между ростом свободного предпринимательства, с одной стороны, и демократических институтов — с другой. В работах наиболее амбициозных из них отражалась давняя утопическая вера в судьбоносное призвание США обеспечить конвергенцию всех обществ на основе американского образа жизни. Такого рода теории были наглядным свидетельством крайне упрощенной универалистской трактовки модернизации как синонима демократизации. Когда Германия в период между 1871 и 1914 гг. и Россия на рубеже XIX–XX вв. стали следовать примеру Великобритании и США, стремительно проводя индустриализацию своих экономик, они делали это в рамках авторитарной системы власти. Несмотря на стремительный рост образованного класса и развитие культуры (достаточно вспомнить культуру русского Серебряного века и уровень, достигнутый немецкими университетами в этот период), который, по мысли некоторых теоретиков, является главным фактором, устанавливающим связь экономического прогресса с демократией, Германия не стала демократической (если, конечно, не считать короткого и отягощенного послевоенной разрухой и мировым экономическим кризисом периода Веймарской республики) до тех пор, пока американские, британские и французские оккупационные силы не «продвинули» ее в этом направлении. Переход России к «диктатуре пролетариата» и «социалистической демократии» (заставивший многих россиян, как ставших эмигрантами, так и переживших ГУЛАГ, вспоминать о Российской империи как об ушедшем в безвозвратное прошлое «золотом веке») не приостановил процесс экономической модернизации страны, но до начала 1990-х годов ни на йоту не продвинул ее в сторону западной модели демократического общества. В свою очередь, индустриализация и экономический прогресс Японии никак не совпадали с западным демократическим пунктиром до военной катастрофы 1945 г., когда генерал Макартур и его советники резко перевели эту страну на рельсы парламентской демократии.

Таким образом, представление о том, что адекватной формой политической организации, соответствующей цивилизованным отношениям, является либерально-демократическое государство, выглядит идеологически и ценностно ориентированным. В историческом плане оно отражало широкое распространение либеральных идей и институтов в XIX — начале XX в., затронувших все без исключения европейские страны, включая традиционные монархии. С кризиса этих институтов после Первой мировой войны начался процесс развития в тоталитарном направлении России, Италии и Германии. В тех европейских странах, где было достигнуто наибольшее равновесие между организацией производства и политической системой, коммунизма и фашизма удалось избежать. Однако исторический опыт показывает, что более глубокой причиной подобных резких изменений и переворотов является стремление к модернизации стран, отстающих в развитии, — как ответ на вызов, брошенный техническим процессом. В длинном ряду современных военных

диктатур и авторитарных режимов тоталитарные государства могут рассматриваться как своеобразная аномалия. Тем не менее при всем различии тоталитарных и авторитарных режимов возможно их сопоставление как *современных государств*, идущих по пути модернизации. «...Коммунистические режимы — отмечает, например, Т. Мак Даниэл, — в целом могут быть сгруппированы с некоторыми некоммунистическими государствами, такими как Турция Ататюрка, в качестве осуществляющих модернизацию однопартийных диктатур. Хотя вполне подходит называть таких правителей, как Сталин и Ататюрк, автократами, такая автократия имеет отличие: не стремясь к личному правлению, основанному на традиционной легитимности, эти правители рвут с прошлым, пропагандируя идеологии обновления и обеспечивая массовое участие посредством развития массовых политических организаций... Такие автократические системы мобилизации ясно доказали способность создать основы современного индустриального общества. В определенном, самом крайнем случае, продемонстрированной сталинской системой, они действовали, фактически уничтожая отдельное существование гражданского общества, — факт, указывающий на ту огромную цену, которую эти режимы были готовы платить за свою версию прогресса» [10, p. 10; ср.: 11, с. 191, 193, 206, 255].

Будучи антиподом цивилизации с ее неотъемлемым атрибутом — свободой, коммунистические режимы, уже для того чтобы быть в состоянии бросить вызов, должны были пройти период модернизации с целью создания соответствующего технического потенциала. Этот период составил целую эпоху, в рамках которой возникла сложнейшая система международных связей, взаимоотношений и взаимоотноотталкиваний. Вне ее невозможно понять ни причин возникновения фашистских режимов, ни объяснить, почему коммунистический режим возник в Китае, а не в Индии, находившейся примерно на той же стадии развития; или почему прокоммунистические революции произошли на Кубе и в Никарагуа, тогда как в других латиноамериканских странах развитие продолжалось в традиционном направлении медленного формирования системы, близкой к западной, через военные диктатуры и авторитарные режимы.

Сравнительно недавние примеры индустриализации Восточной Азии во главе с Сингапуром, Южной Кореей и Тайванем демонстрируют возможность чрезвычайно быстрого экономического роста в рамках политических систем, которые далеко не во всем можно считать вполне демократическими. Напротив, азиатские страны с давними демократическими традициями, например Индия и Шри-Ланка, долгое время оставались экономически отсталыми.

История свидетельствует о том, что гораздо легче декретировать демократические институты, чем развить политические условия и практику, необходимые для создания стабильной системы демократического правления. Для этого требуется не только система свободных выборов, но и свобода СМИ, политических партий, беспристрастное судопроизводство, готовность избирателей и политических элит принять результаты поражения на выборах и передать власть своим политическим соперникам, готовность военных и корпоративных экономических групп воздерживаться от соблазна использования своих возможностей для вмешательства в демократический процесс. В противном случае демократия неизбежно вырождается в ту или иную разновидность авторитарного режима. Наглядным примером подобного вырождения являются девять государств Восточной и Юго-Восточной

Европы, в которых после окончания Первой мировой войны были установлены демократические институты. Из них только Чехословакия оставалась демократической до 1939 г. В других восьми странах авторитарные режимы того или иного рода были установлены в следующей последовательности: Болгария — июнь 1923 г., Польша — май 1926 г., Литва — декабрь 1926 г., Югославия — январь 1929 г., Австрия — март 1933 г., Эстония — март 1934 г., Латвия — май 1934 г., Румыния — февраль 1938 г. Ни один из этих поворотов в сторону авторитаризма не был вызван этническими расколами в обществе, экономическим коллапсом, революцией или гражданской войной, но либо нежеланием военных воздерживаться от участия в политике, либо маневрами правящих элит, стремящихся удержать власть в своих руках и не дать вытеснить из нее своих «друзей».

Не менее обескураживающими были и результаты попыток ввести демократическое правление в странах Африки после завершения процесса деколонизации в 1945–1965 гг. В бывшем бельгийском Конго и португальской Восточной Африке (Ангола и Мозамбик) с начала 1950-х годов не прекращались беспорядки, этнические чистки, диктатуры и гражданская война. Аналогичные явления, отягощенные масштабной коррупцией и разворовыванием иностранных помощи и кредитов, наблюдались и в бывшей британской Африке. Вершиной этого процесса можно считать гражданскую войну в Нигерии, унесшую около миллиона жизней. Наиболее стабильные системы сложились в странах бывшей французской Африки, главным образом благодаря тому, что французская колониальная администрация изымала власть из рук племенных вождей и усиленно формировала слой франкоговорящей образованной элиты, которой впоследствии передавались бразды правления. В результате эти страны долгое время переживали период однопартийного правления, и их шансы на превращение в подлинно демократические остаются под вопросом.

В странах Латинской Америки демократические институты и практики оказались более укорененными, в том числе и вследствие притягательности примера стабильного президентского правления в США. Тем не менее демократические режимы были свергнуты в Бразилии в 1964 г., в Уругвае — в 1973 г. и в Аргентине — в 1976 г.

С 2003 г. фокус интереса к процессам модернизации и демократизации переместился на Средний Восток — не без влияния неоднократно повторявшихся заявлений Дж. Буша-младшего о том, что он намерен продвигать демократию в этом регионе и не видит никаких оснований не верить, что мусульманские общества будут поддерживать демократические системы. Такого рода заявления тогдашнего политического лидера американских консерваторов шли вразрез, например, с концепцией С. Хантингтона, согласно которой исламская культура (как и конфуцианская) несовместима с демократией и в этом смысле составляет противоположность западной культуре (либерализм, протестантизм), Латинской Америке, православной и даже индуистской и африканской культурам, которые в той или иной степени способны к восприятию и применению на практике демократических идей и принципов [12, с. 33–48]. Современные реалии свидетельствуют о том, что в заочном споре между маститым ученым и американским президентом победа пока остается за первым. Имеются многие соображения в пользу сомнений в самой возможности быстрого внедрения и развития демократических институтов в мусульманском мире.

Один из доводов, обычно называемый специалистами теологическим, выводится из следующего базового учения исламской религии: все законы, в которых нуждается человечество, могут быть найдены в Коране, а также в самом раннем своде судебных уложений, развивающих установленные им юридические и моральные принципы. Демократическое представление о том, что парламент является суверенным законодательным органом, естественно, вступает в конфликт с приведенным выше фундаментальным исламским верованием. С ним соотносится, например, политическая практика в современном Иране, где совет невыеборных религиозных лидеров («стражей») обладает правом отменять законы, принятые парламентом исламской республики, если они вступают в противоречие с Кораном (см. подробнее: [13]).

Разумеется, демократизация исламской страны сложна, но не невозможна, о чем свидетельствует пример современной Турции, где с 1928 г. был введен в действие светский режим власти, на основе которого постепенно сформировалась парламентская система. В этом плане Турция может сравниться с Индией, где приверженность правящей элиты демократическим принципам помогала преодолеть многие сложные проблемы, с которыми страна сталкивалась со времени обретения независимости в 1947 г. [14, p. 128–132].

В целом общая тенденция может внушать аналитикам определенный оптимизм: со времени окончания Второй мировой войны почти во всех европейских странах, включая посткоммунистические, существуют более или менее стабильные, ориентированные на демократию политические системы, в то время как в мире развивающихся стран влияние демократических идей и институтов также продолжает расширяться. Именно эта тенденция постоянно придает дополнительный импульс представлению о том, что и в будущем векторы модернизации и демократизации могут совпадать. В этом плане общие принципы, сформулированные еще в 1960-е годы в рамках классической концепции соотношения модернизации и демократизации, также вряд ли могут быть до конца поставлены под сомнение.

Недавние исследования, — отмечает Б. Джеддис — автор главы «Что является причиной демократизации?», написанной для «Оксфордского справочника по сравнительной политике», — подтвердили то, что мы думали, что мы [уже] знали несколько десятилетий назад: более богатые страны, вероятно, являются и более демократичными. Дискуссия продолжается относительно того — увеличивает ли демократическое развитие вероятность перехода к демократии? Пшеворский и его соавторы настойчиво доказывали, что развитие не является причиной демократизации; скорее развитие снижает вероятность поломки демократического механизма, тем самым увеличивая число богатых демократических стран, даже если это не связано с причинным воздействием на переход к демократии. Тем не менее другие образцы тщательного анализа смены режима продолжают обнаруживать взаимосвязь между развитием и переходом к демократии. Некоторые другие регулярные наблюдения эмпирического характера добились статуса стилизованных фактов, хотя и им всем был брошен вызов. Опора на нефть и, возможно, другие виды минерального экспортного сырья уменьшает вероятность демократии. Страны с большим мусульманским населением, вероятно, являются еще менее демократичными... Эксперты по Ближнему Востоку объясняют связь между нефтяным богатством и диктатурой следствием функционирования государства-рантье, которое может использовать свою ренту от продажи природных ресурсов для распределения субсидий среди обширных частей населения и тем самым поддерживать уступчивость народа по отношению

к режиму. В качестве параллельного аргумента Даннинг доказывает, что нефтяная рента при определенных обстоятельствах может быть использована для поддержки демократии [15, p. 317–318].

Разумеется, сегодня влияние постмодернистских идей порождает гораздо больший разброс мнений относительно того, какие страны и в каком смысле можно называть демократическими. К примеру, современный анализ итогов «бархатных революций» и перспектив демократизации политических систем в странах Центральной и Восточной Европы, а затем в посткоммунистической России и странах, некогда входивших в состав СССР, нередко сопровождается стремлением усилить аргументацию противников теории модернизации. В частности, эта тенденция проявляется в упрощенном подходе к проблеме соотношения уровня экономического развития и стабильности демократических институтов и традиций. Сторонники такого подхода стремятся, как правило, «вынести за скобки» проблему взаимосвязи современной модели политической демократии с уровнем экономического прогресса, а заодно и с концепцией социального государства и социальных прав, ссылаясь на то, что на Западе данная модель представляет собой лишь «идеальный тип», а на деле она отнюдь не безупречна и к тому же в последние десятилетия именно в этом регионе самой идее социальных прав был нанесен значительный ущерб [см.: 16, p. 2–4; ср.: 17, с. 14–15].

Естественно, после того как проблема уровня доходов, формирования стабильного среднего класса и социальных гарантий оказывается теоретически снятой, в распоряжении ученых остаются исключительно «политические» критерии, значение которых можно толковать как угодно. Например, можно объединить Молдову — одну из беднейших стран в Европе — в одну «демократическую группу» с Болгарией и Румынией, противопоставив их автократиям в России и Республике Беларусь [см.: 18, p. 108]. Или же, напротив, считать, что в современной России демократия, пришедшая на смену тоталитаризму, вполне сопоставима с демократией западной, одновременно не отрицая при этом и того факта, что в современном мире «глобальная зона нищеты значительно расширилась за счет большинства постсоветских республик, включая, с некоторыми оговорками, Российскую Федерацию» [19, с. 76, 80].

Такого рода концептуальные заключения не имеют большого распространения в современной политической теории. Преобладающей выглядит тенденция к появлению компромиссных версий теории модернизации на основе новых аргументов в пользу демократизации. В одной из них, разработанной Р. Инглхартом и его сотрудниками, явно просматривается попытка примирить многообразные противоборствующие точки зрения. Отмечая решающую роль экономических и технологических изменений, Инглхарт утверждает, что изменения культурных ценностей и уровней политического участия следуют за экономическим развитием. Экономическое развитие способствует появлению предсказуемых изменений в ценностях и дальнейшим перспективам демократизации. Что касается так называемых традиционных обществ, то они могут сохранять свои характерные атрибуты культурной жизни в процессе конвергенции с западной моделью общества и культуры. Более того, культурные различия продолжают определять характер ответа различных обществ на вызовы экономической модернизации. Изменения в материальных

условиях могут служить причиной изменения позиций в отношении к власти, гендерным ролям, сексуальным практикам и политическому участию, но они возникают в контексте существовавших прежде культур. Экономические изменения будут трансформировать ценности западного иудео-христианского, конфуцианского и исламского обществ, но их результатом не станет единая мировая культура.

Инглхарт выделяет три измерения экономического развития, стимулирующего культурные и политические изменения: 1. Рост экономической продуктивности и стремление государств «всеобщего благосостояния» увеличивать размеры потребления и снижать масштабы бедности будут способствовать возникновению такого уровня материальной безопасности, который позволит индивидам отдавать большее предпочтение ценностям, не имеющим отношения к элементарной заботе о деньгах на пищу и кров. 2. Рост образовательного уровня, распространение средств массовой информации и работа в отраслях промышленности, основанных на знании, дают индивидам большую независимость и стремление к автономии. 3. Увеличение социальной сложности является причиной большей социальной независимости индивидов. Инглхарт стремится доказать, что эти процессы имеют различные степени воздействия на то, что он называет индустриальными и постиндустриальными фазами экономического развития. В условиях индустриализации эти силы подрывают власть религии, но они часто заменяют религиозный авторитет авторитетом государства и индустрии. На постиндустриальной стадии доминирование светских властей подвергается эрозии в результате стремления к индивидуальной автономии во всех сферах жизни [20, p. 48 sq., 97 sq.].

Постепенно теория модернизации стала испытывать все большее влияние многообразных версий концепции глобализации, нередко с ними сливаясь. Как отмечают американские политологи Ч. Эль-Оджейли и П. Хэйден, сегодня «оба подхода — модернизация и зависимость — продолжают функционировать в рамках обширного дискурса глобализации» [21, p. 40].

Концепция глобализации является сравнительно новой в современном политическом дискурсе и общественных науках. Первая социологическая статья, в которой появляется данное понятие, была опубликована в 1985 г. К февралю 1994 г. каталог Библиотеки Конгресса США включал только 34 работы, в которых упоминались либо само это понятие, либо производные от него термины, причем все они не публиковались раньше 1987 г. К концу 1990-х годов термин «глобализация» становится заметным, и только на рубеже тысячелетий количество книг и статей, где он постоянно встречается, стало исчисляться сотнями [14, p. 43].

Исследовать оттенки категориальных значений данного понятия не имеет смысла, поскольку оно не содержит в себе сколько-нибудь бросающихся в глаза противоречий. По справедливому замечанию А. Бэча, это «просто всеобщий термин, используемый свободно в качестве стенографического ярлыка для обозначения чего-либо или всего, или же, в наиболее общепринятом смысле, некоей комбинации пяти, скорее, различных тенденций в мировых делах, которые легко могут быть перечислены» [14, p. 43]. В перечислении А. Бэча в эту комбинацию входят: 1. Возрастающая обеспокоенность и международные действия в сфере проблем окружающей среды, имеющих глобальное значение. 2. Рост мирового рынка как следствие снижения транспортных расходов, всеобщего сокращения таможенных платежей в соединении с созданием Всемирной торговой организации (ВТО)

с целью защиты торговых соглашений и снятия барьеров, препятствующих торговому обмену. 3. Учреждение международных судов для защиты прав человека или в особых регионах, или в более широком масштабе. 4. Новый взгляд, согласно которому либеральные правительства или их коалиции должны обладать правом (а возможно, его следует трактовать и как долг) вмешиваться во внутренние дела других государств, если последние являются виновными в грубых нарушениях прав человека на своих территориях. 5. Чрезвычайно стремительное развитие на мировом уровне средств коммуникации, открывающее возможность глобализации культуры [14, p. 43].

В данном ракурсе понятие «глобализация» терминологически выглядит даже более осмысленным по сравнению с понятием «модернизация», обладающим практически бесконечным количеством оттенков и применяемым для характеристики чрезвычайно многообразных процессов и действий самого различного уровня и направленности — от модернизации станков, стрелкового оружия, отраслевых министерств, школьного и университетского образования до модернизации экономики и политических систем стран и регионов.

На понятийном уровне модернизацию с глобализацией объединяет и еще одно примечательное свойство, а именно — способность встраиваться в любую политическую конъюнктуру. Например, английский политолог Р. Саква вполне сочувственно и без всякого оттенка критической иронии следующим образом комментирует действия Сергея Иванова, осуществлявшего на посту министра обороны обширный план перевооружения российской армии: «Представляя свой план Думе 7 февраля 2007 г., Иванов настаивал на том, что вопрос стоит о “модернизации, а не реформе армии”, поскольку слово реформа, заявлял он, “вызывает у нас аллергическую реакцию”» [22, p. 408].

Хотя в современных дискуссиях о перспективах развития России речь, как правило, идет о ее модернизации в одном, самом широком смысле, Н. А. Симония совсем недавно отмечал в статье, посвященной реализации комплекса идей по ускорению и развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока: «К сожалению, развитие и практическая реализация этих идей началась в период, когда Путин был премьером и существовал “тандем”... Несомненно, *негативную тормозящую роль сыграли откровенные противоречия между двумя администрациями — президентской и правительственной*. Это обстоятельство еще более усугубило негативное действие механизма *межминистерского согласования* — одного из главнейших тормозов социально-экономического развития России, загубившего *десятки проектов модернизации* (курсив мой. — В. Г.)» [23, с. 68].

Современные трактовки глобализации, первоначально тесно связанные с идеями постмодерна, обычно акцентируют внимание на общей тенденции к усилению интернационализации экономики, коренящейся в транснациональном характере капитала, к массовому производству и формированию мощных коммуникационных сетей и технологий, неотделимых от глобальной структуры массового потребления. В идейном-психологическом плане, отмечает П. Л. Бергер, «термин “глобализация” становится эмоционально нагруженным в общественном дискурсе. Для некоторых он представляет обещание международного гражданского общества, ведущего к новой эре мира и демократизации. Для других он предполагает угрозу американской экономической и политической геге-

монии с ее такими культурными последствиями, как гомогенизированный мир, напоминающий разновидность метастазного Диснейленда (которую один французский чиновник мило называл “культурным Чернобылем”)» [24, р. 2].

Данный подход разделяет и О. Хёффе. Термин «глобализация», утверждает он,

нагружен противоречивыми эмоциями — отчасти надеждой, отчасти страхом — и используется настолько инфляционно и неточно, что его лучше избегать. И все же, когда он обретает более очерченный профиль, он имеет существенную диагностическую ценность для наших времен, поскольку он верно определяет вызов, не подталкивая к предубежденному ответу. Первое приближение к нему является непротиворечивым, но недостаточно четким: глобализация как возрастание и интенсификация социальных отношений в мировом масштабе. Только посредством четырех квалификаций этот феномен обретает более различимый профиль... Будь это внутренняя и внешняя безопасность, забота о благосостоянии, экономическое процветание или защита окружающей среды, все эти наибольшие виды ответственности, требующие человеческой самоорганизации, которая базируется на государственности и господстве права, теперь выходят за государственные рамки. И что более важно, дополнительные акторы приобретают постоянно увеличивающуюся власть и влияние на мировой арене: многонациональные корпорации, международные или транснациональные институты и неправительственные организации. Пока эти новые сущности еще не вытесняют существующие политические концепты, такие как либеральная демократия и ее социальные и экологические виды ответственности. Но они уже приобретают новое измерение, которое значительно трансформирует политику и теорию, лежащую в ее основании [25, р. 1].

В целом большинство специалистов и аналитиков, независимо от различных идеологических подходов, разделяют ту точку зрения, что глобализация является исключительно сложным, противоречивым, далеко не во всем предсказуемым историческим процессом, имеющим множество аспектов и уровней измерения. Глобализационные процессы включают в себя новое структурирование мирового пространства, главным вектором которого является формирование многоуровневых сетевых структур в сфере промышленности, финансов, торговли, новых технологий массовых коммуникаций, культурной индустрии и распространения идей. Они не только затрагивают межличностные отношения, но и активно вторгаются в политическое пространство, оказывая воздействие как на современные территориальные государства, так и на все без исключения элементы мировой политической системы.

Для современных теоретиков либерализма и неомарксизма глобализация имеет преимущественно экономическое измерение, поскольку оба данных направления мысли акцентируют внимание на экономических силах, действующих в мире, нередко оставляя в стороне вопрос о том, что в действительности даже экономические изменения не осуществляются исключительно с помощью экономических факторов: большое влияние на них оказывают технические достижения, политические решения и изменения публичных позиций социальных групп, которые также постоянно подвергаются трансформации. Ключевую роль в данном процессе играют современные мирные и военные технологии, как правило, преодолевающие пределы национальных государств и формирующие сетевое глобальное общество.

Наиболее примечательная черта глобализации заключается в том, что она «все более препятствует таким социальным акторам, как национальные государства,

местные сообщества и индивиды, поддерживать свою идентичность без ссылки на всеохватывающие глобальные структуры и потоки. Взаимосвязи глобализируют мир вполне измеримым, возможно, даже “объективным” образом, но это происходит преимущественно потому, что все эти силы заново определяют опыт и восприятия все большего количества акторов. Поэтому глобальное является теперь когнитивной референтной рамкой для многих акторов, которые осознают глобальное давление, хотя это в гораздо меньшей степени ощущается на уровне культуры и морали» [26, p. 243].

Приоритеты в этом плане до сих пор определяются соотношением политических страстей и борьбы, с одной стороны, и идеологически окрашенных интеллектуальных дискуссий — с другой. Например, уже в 1990-е годы в Китае тема глобализации стала центральной в дискуссии между двумя противоборствующими группами интеллектуалов. По мнению либеральных идеологов и реформаторов, занимавших ключевые позиции в планировании китайской политики, глобализация является новой стадией в процессе модернизации и представляет собой такую возможность, упустить которую Китай не может себе позволить. При этом они подчеркивали, что глобализация способна обеспечить постоянный мир на планете, уничтожить неравенство между развитыми и развивающимися странами и привести к дальнейшему развитию и процветанию. Глобализация способствует распространению универсальных ценностей, таких как свобода, демократия и права человека, и поэтому чрезвычайно полезна китайскому обществу. Поскольку глобализация представляет собой высшее состояние модернизации и человеческого развития, ее необходимо всячески поощрять [27, p. 37].

Напротив, представители новых левых и неомарксисты утверждали, что глобальный капитализм принесет Китаю гораздо больше вреда, чем блага, и что западная модель модернизации совсем не подходит для их страны. Они были более озабочены увеличивающимся социальным неравенством, вызванным быстрой аккумуляцией капитала, а также прогрессирующей деградацией социокультурной и окружающей среды, причиной которой была слепая приверженность партийного государства модели экономического развития, основанного на притоке иностранного капитала [27, p. 38].

Что касается позиции западноевропейских и американских левых, то большинство их идеологов не склонны считать, что процесс глобализации предопределяет исключительно однозначную конфигурацию экономики и политики, отвечающую интересам США, крупных корпораций и мировой олигархии. «Глобализация, — отмечает один из ведущих западных политических философов левого направления Роберто Мангабейра Унгер в работе “Что должны предложить левые?”, — теперь стала родовым алиби для капитуляции: каждая прогрессивная альтернатива высмеивается на том основании, что давление глобализации делает ее непрактичной. Истина, однако, заключается в том, что, как свидетельствует контрастный опыт современного Китая и Латинской Америки, даже настоящий глобальный экономический и политический порядок допускает широкий спектр эффективного ответа» [28, p. 133].

Такого рода дискуссии и идейные конфликты не могли не отразиться и на теоретических подходах к проблеме модернизации. Она все больше начинает восприниматься как внутреннее свойство или тип исторического развития, свойственный

глобализации. Модернизационные процессы рассматриваются уже не в рамках какой-либо цивилизационной парадигмы, например вестернизации, но как особый тип развития и неотъемлемый атрибут современного общества, главной характеристикой которого является тенденция к постоянным изменениям, не поддающимся строгому структурированию и не укладывающимся в четко обозначенные исторические периоды, свойственные европейскому модерну. Более того, «появились даже утверждения, что современное состояние западного общества, которое еще недавно характеризовалось как постмодернити, на самом деле является зрелой формой модернити, а прежнее состояние, именовавшееся “модернити”, следует трактовать как “ограниченную модернити”» [29, с. 15].

Именно сторонники такого восприятия модерна разработали концепцию «рефлексивной модернизации». Наиболее известными ее создателями являются У. Бек и А. Гидденс [см.: 30–35]. В соответствии с их аргументацией основные источники социальной и политической идентичности и конфликта, которыми были отмечены ранние фазы «модерна», находятся в процессе вытеснения в результате прогресса самой современности. Эти изменения делают устаревшими традиционные виды идеологии, разделений и конфликтов. Процесс радикализации модерна и «субполитика» новых социальных движений открывают перспективу демократизированной и устойчивой «новой современности» [32, р. 163–173; ср.: 36].

Сторонники данной версии модернизации заимствовали ряд социальных и политических идей у движения «зеленых», особенно в отношении перспективы экологического коллапса и широкомасштабных угроз трансформации морального и политического порядков, а также физического ландшафта.

Для Гидденса «простая современность» (Запад начиная с эпохи Просвещения) характеризуется четырьмя «институциональными измерениями»: политическая/административная власть (в такой ее типической форме, как представительная демократия); экономический порядок, главным образом капиталистический по форме, с ныне угасшими коммунистическими режимами в качестве временного варианта; отношение к природе, определяемое современной наукой и промышленными технологиями; монополия государства на легитимное использование насилия. Консервативная, либеральная и социалистическая традиции в политике, по Гидденсу, отчетливо связаны с данной фазой модернизации, но в настоящее время исчерпали себя вследствие процессов, развивавшихся в послевоенный период. Эти процессы суммируются Гидденсом в понятиях «глобализация», «детрадиционализация» и «социальная рефлексивность». Английский социолог отвергает экономический подход к глобализации и фокусирует внимание на проблемах новых коммуникационных технологий и средств сообщения. В новых условиях «культурного космополитизма», характерных для эпохи глобализации, традиции, укоренившиеся в период «простого модерна», уже не могут легитимизироваться традиционными способами. Они должны подтверждать себя перед лицом новых альтернатив. Это предполагает, что жизнь индивидов больше не определяется случайными условиями их рождения, но постоянно сталкивается с различного рода выбором относительно того, как жить: иметь ли детей, как одеваться, во что верить и т. д. Иными словами, формирование идентичности постоянно становится жизненным проектом «рефлексивных» субъектов [см. подробнее: 34, р. 216–219].

Возникновение новых условий рефлексивной модернизации делает устаревшими унаследованные политические традиции. Традиционные формы классовой идентичности распадаются. Изменения на рынке труда, в сфере гендерных и семейных отношений превращают институты государства всеобщего благосостояния в неустойчивые и неприемлемые. Глобализация и рефлексивность в сфере выбора стиля жизни и потребления усиливают неработоспособность централизованных форм экономического контроля, в то время как стабильные политические партии и институты утрачивают свою легитимность. Тем не менее это еще не конец политики даже в радикальных ее формах. Схематично рассматривая новые социальные движения как форму противодействия любому из институциональных измерений модерна, Гидденс постулирует возникновение радикальной «генеративной», или «жизненной», политики, преодолевающей поляризованность правого и левого.

В качестве ответа на политико-административную систему возникают новые социальные движения, стремящиеся к радикализации демократии и выступающие против надзора и авторитаризма. Рефлексивная модернизация включает также демократизацию личной жизни, когда отношения между любовниками, друзьями, родителями и детьми и т. д. более не регулируются традиционными представлениями и ожиданиями. В сфере капиталистических экономических отношений поляризация и фрагментация продолжают характеризовать рефлексивно модернизирующиеся общества, но предполагаемая «кончина» классовой политики и централизованного экономического контроля приводит Гидденса к предположению (впрочем, довольно неясному), что эти проблемы могут быть скорректированы с помощью «постдефицитного» порядка, который столь же многим обязан экологии и консерватизму, сколь и социализму. В области науки и индустриальных технологий претензия простого модерна контролировать силы природы породила новый порядок риска — «фабрикуемый риск», на который движение «зеленых» ответило утопическим призывом вернуться к аутентичной природе. В плане институционального насилия сторонники движения борьбы за мир указывают на возрастающую роль диалогических форм разрешения конфликтов в посттрадиционном, рефлексивном мире.

Следует отметить, что в методологическом плане концепция «рефлексивной модернизации» А. Гидденса является творческой попыткой развития классической модернизационной парадигмы, разработанной Т. Парсонсом: поскольку развитие носит универсальный характер, любое общество, в том числе и современное, должно стремиться обеспечить себе достаточный уровень адаптации к окружающей среде путем осознанного признания ценностей, в основе которых лежат определенные «эволюционные универсалии». Чем более функционально дифференцированным становятся современные цивилизованные общества, тем более они нуждаются в создании эффективного политического порядка на основе универсальных принципов права и демократической самоорганизации.

Литература

1. *Eisenstadt S. N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1966. 166 p.
2. *Rostow W. W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 179 p.
3. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981. Т. 23. 907 с.

4. *Lipset S. M.* Political Man. The Social Basis of Politics. Expanded Edition. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981. 586 p.
5. *Меркель В.* Теория трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т. 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы / ред.-сост. Петра Штыков, Симона Шваниц. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С. 55–88.
6. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
7. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / предисл. Г. М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
8. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. / пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
9. *O'Donnell G.* Poverty and Inequality in Latin America: Some Reflections // Latin America: Issues and New Challenges / eds Victor E. Tokman and Guillermo O'Donnell Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 49–71.
10. *McDaniel T.* Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991. 239 p.
11. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
12. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.
13. *Dahlen A. P.* Islamic Law, Epistemology and Modernity. Legal Philosophy in Contemporary Iran. New York; London: Routledge, 2003. 392 p.
14. *Birch A. H.* The Concepts and Theories of Modern Democracy. 3rd ed. London; New York: Routledge, 2007. 315 p.
15. The Oxford Handbook of Comparative Politics / eds Carles Boix and Susan C. Stokes. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1021 p.
16. *Gill G.* Democracy and Post-Communism. Political Change in the Post-Communist World. London; New York: Routledge, 2002. 272 p.
17. *Хёффе О.* Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 328 с.
18. *Moeller J.* Post-Communist Regime Change. London; New York: Routledge, 2009. 177 p.
19. *Оганисян Ю. С.* Новая Россия в изменяющемся мире: социально-политический ракурс // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 76–90.
20. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. 464 p.
21. *El-Ojeili Ch., Hayden P.* Critical Theories of Globalization. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 241 p.
22. *Sakwa R.* Russian Politics and Society. Fourth Edition. London; New York: Routledge, 2008. 585 p.
23. *Симония Н. А.* Новые стратегические факторы в борьбе за модернизацию России // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 67–75.
24. Many Globalizations. Diversity in the Contemporary World / eds Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 374 p.
25. *Höffe O.* Democracy in the Age of Globalization. Dordrecht: Springer, 2007. 350 p.
26. Understanding Contemporary Society: Theories of the Present / eds Gary Browning, Abigail Halcli and Frank Webster. London: Sage Publications, 2000. 502 p.
27. *Berger P. L.* The Cultural Dynamics of Globalization // Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World / eds P. L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. P. 1–16.
28. *Unger R. M.* What Should the Left Propose? London; New York: Verso, 2005. 179 p.
29. *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.
30. *Beck U.* What is Globalization? Cambridge: Polity Press, 1991. 192 p.
31. *Beck U.* Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics // Global Capitalism / eds Will Hutton and Antony Giddens. New York: The New York Press, 2000. P. 163–173.
32. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1991. 200 p.
33. *Giddens A.* Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics. Stanford: Stanford University Press, 1994. 284 p.

34. Giddens A., Hutton W. *Fighting Back // Global Capitalism / eds Will Hutton and Antony Giddens.* New York: The New York Press, 2000. P. 213–224.

35. Giddens A. *The Third Way and Its Critics.* Cambridge: Polity Press. 2000. 190 p.

36. Inglehart R., Welzel Chr. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.

Для цитирования: Гуторов В. А. К проблеме концептуальных оснований теории модернизации // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 2. С. 4–23. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.201

References

1. Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change.* Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1966. 166 p.

2. Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto.* Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 179 p.

3. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T.1 [Capital. The critics of political economy. Vol. 1]. Marks K., Engels F. *Soch. 2-e izd. [Marx K., Engels F. Works. 2nd edition]*. Moscow, The state publishing company of political literature, 1955–1981, vol. 23. 907 p. (In Russian)

4. Lipset S.M. *Political Man. The Social Basis of Politics. Expanded Edition.* Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1981. 586 p.

5. Merkel' V. Teoriia transformatsii. Struktura ili aktor, sistema ili deistvie? [The theory of transformation. The structure or the actor, the system or the action?]. *Povoroty istorii. Postsotsialisticheskie transformatsii glazami nemetskikh issledovatelei. T. 1: Postsotsialisticheskie transformatsii: teoreticheskie podkhody [Post socialist transformations from the view of German researchers. Vol. 1. Post socialist transformations: theoretical concepts]*. Eds Shtykov P., Shvanits S. St. Petersburg, The European University in St. Petersburg Publ.; Letniy sad Publ., 2003, pp. 55–88. (In Russian)

6. Khantington S. *Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka [The third wave. Democratization in the Late Twentieth Century]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 368 p. (In Russian)

7. Vallerstain I. *Mir-sistema Moderna. T.I: Kapitalisticheskoe sel'skoe khoziaistvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v XVI veke [The Modern World-System, vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century]*. Preface G.M. Derlugiana; transl. from engl., liter. ed., komm. N. Protsenko, A. Cherniaev. Moscow, The Russian fund to support education and science, 2015. 552 p. (In Russian)

8. Vallerstain I. *Mir-sistema Moderna. T.II: Merkantilizm i konsolidatsiia evropeiskogo mira-ekonomiki, 1600–1750 gg. [перевод].* Transl. from engl., liter. ed., komm. N. Protsenko. Moscow, The Russian fund to support education and science, 2015. 528 p. (In Russian)

9. O' Donnell G. Poverty and Inequality in Latin America: Some Reflections. *Latin America: Issues and New Challenges.* Eds V.E. Tokman, G. O'Donnell. Chicago, University of Chicago Press, 1999, pp. 49–71.

10. McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1991. 239 p.

11. Aron R. *Demokratiia i totalitarizm [Democracy and totalitarianism]*. Moscow, Text Publ., 1993. 303 p. (In Russian)

12. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii? [Clash of civilizations?]. Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political studies]*, 1994, no. 1, pp. 33–48. (in Russian)

13. Dahlen A. P. *Islamic Law, Epistemology and Modernity. Legal Philosophy in Contemporary Iran.* New York, London, Routledge Publ., 2003. 392 p.

14. Birch A. H. *The Concepts and Theories of Modern Democracy. 3rd ed.* London, New York, Routledge Publ., 2007. 315 p.

15. *The Oxford Handbook of Comparative Politics.* Eds C. Boix, S. C. Stokes. Oxford, Oxford University Press, 2007. 1021 p.

16. Gill G. *Democracy and Post-Communism. Political Change in the Post-Communist World.* London, New York, Routledge Publ., 2002. 272 p.

17. Kheffe O. *Est' li budushchee u demokratii? O sovremennoi politike [If the democracy have a future? The contemporary politics]*. Moscow, Delo Publ., 2015. 328 p. (In Russian)

18. Moeller J. *Post-Communist Regime Change.* London, New York, Routledge Publ., 2009. 177 p.

19. Oganis'ian Iu. S. Novaia Rossiia v izmeniaiushchemsya mire: sotsial'no-politicheskii rakurs [New Russia in changing world: socio-political context]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [*Polis. Political studies*], 2014, no. 3, pp. 76–90. (In Russian)
20. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1997. 464 p.
21. El-Ojeili Ch., Hayden P. *Critical Theories of Globalization*. New York, Palgrave Macmillan, 2006. 241 p.
22. Sakwa R. *Russian Politics and Society. Fourth Edition*. London, New York, Routledge Publ., 2008. 585 p.
23. Simoniia N. A. Novye strategicheskie faktory v bor'be za modernizatsiiu Rossii [New strategic factors in the struggle for modernization of Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [*Polis. Political studies*], 2014, no. 3, pp. 67–75. (In Russian)
24. *Many Globalizations. Diversity in the Contemporary World*. Eds P. L. Berger, S. P. Huntington. Oxford, New York, Oxford University Press, 2002. 374 p.
25. Höffe O. *Democracy in the Age of Globalization*. Dordrecht, Springer, 2007. 350 p.
26. *Understanding Contemporary Society: Theories of the Present*. Eds G. Browning, A. Halcli, F. Webster. London, Sage Publications, 2000. 502 p.
27. Berger P. L. The Cultural Dynamics of Globalization. *Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World*. Eds P. L. Berger, S. P. Huntington. Oxford, New York, Oxford University Press, 2002, pp. 1–16.
28. Unger R. M. *What Should the Left Propose?* London, New York, Verso, 2005. 179 p.
29. Vinogradov A. V. *Kitaiskaia model' modernizatsii. Poiski novoi identichnosti. 2-e izd., ispr. i dop.* [*Chinese model of modernization. Search for new identity*]. Moscow, NOFMO Publ., 2008. 363 p. (In Russian)
30. Beck U. *What is Globalization?* Cambridge, Polity Press, 1991. 192 p.
31. Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics. *Global Capitalism*. Eds W. Hutton, A. Giddens. New York, The New York Press, 2000, pp. 163–173.
32. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, Polity Press, 1991. 200 p.
33. Giddens A. *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics*. Stanford, Stanford University Press, 1994. 284 p.
34. Giddens A., Hutton W. Fighting Back. *Global Capitalism*. Eds W. Hutton, A. Giddens. New York, The New York Press, 2000, pp. 213–224.
35. Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. Cambridge, Polity Press. 2000. 190 p.
36. Inglehart R., Welzel Chr. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 333 p.

For citation: Gutorov V. A. To the problem of conceptual bases of the theory of modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 6. Political science. International relations*, 2016, issue 2, pp. 4–23. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.201

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2015 г.,
рекомендована в печать 11 февраля 2016 г.